

УДК 94(4/5)(075.8)(049.32)

П. Н. Базанов

**Культура и история в творчестве Л. Н. Гумилева:
рецензия на учебное пособие Ю. А. Сорокина и Н. Г. Суворовой
«Евразийство Л. Н. Гумилева: к истории изучения
степных цивилизаций Евразии» (Омск, 2015)**

Petr N. Bazanov

**Culture and history in L. N. Gumilev's works: review on course book
«L. N. Gumilev Eurasianism: history of study of Eurasian steppe civilizations»
by Yu. A. Sorokin and N. G. Suvorova (Omsk, 2015)**

Сорокин Ю. А. Евразийство Л. Н. Гумилева: к истории изучения степных цивилизаций Евразии: учеб. пособие / Ю. А. Сорокин, Н. Г. Суворова; М-во образования и науки Российской Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. проф. образования «Омск. гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского». – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2015. – 256 с. – ISBN 978-5-7779-1905-2: 100 экз.

В новом учебном пособии Омского государственного университета рассматриваются веки сложной жизни и основные направления творчества одного из самых незаурядных мыслителей России XX в. – Льва Николаевича Гумилева (1910–1992). Л. Н. Гумилев, как известно, очень не любил, когда его представляли сыном поэтов Н. С. Гумилева и А. А. Ахматовой, всегда произнося ритуальную фразу: «Ну, я и сам чего-то в жизни достиг». Действительно, Л. Н. Гумилев известен как историк, географ, философ, культуролог и этнолог, но более всего знаменит благодаря своей теории «пассионарности» и пропаганде идей евразийства. Недаром именно последний термин вынесен первым в заглавие книги.

В период советского единomyслия, коммунистической идеократии, безраздельного властвования марксизма-ленинизма живой струей воздуха были работы Л. Н. Гумилева, пробивавшиеся сквозь плиты цензуры. В этот период нашей истории нельзя было читать эмигрантские книги и журналы, и мы узнавали основные постулаты евразийства в пересказах Л. Н. Гумилева.

«Востокофильство» («востокоцентризм») как идеолого-философское направление русской мысли имеет многовековую традицию противопоставления «западничеству» и «славянофильству» («почвенничеству»), но сам термин появился только в 1920-х гг. Основателями евразийства являются Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, П. П. Сувчинский. Чуть позже к ним примкнули Г. В. Вернадский, Л. П. Карсавин, Н. Н. Алексеев, В. П. Никитин, Э. Хара-Даван, Я. А. Бломберг и многие другие.

В 1956 г. из эмиграции вернулся сын известного художника и философа Н. К. Рериха – Юрий Николаевич Рерих, который подружился с вышедшим из ГУЛАГа Л. Н. Гумилевым и помог связаться с П. Н. Савицким и Г. В. Вернадским. Лев Николаевич долгие годы не только получал от зарубежных евразийцев в подарок из-за границы книги и периодику, но и рекомендации, какую литературу и источники надо привлечь. Они обсуждали проблемы истории и географии с евразийских позиций, нюансы их теории. При этом самобытность Л. Н. Гумилева как мыслителя настолько уникальна, что не вписывается в рамки классического или «левого» евразийства, а представляет новую теоретическую систему – «неоевразийство», не говоря уже о его идее «пассионарности» и «пассионариев» (даже следов которых нет у эмигрантов-классиков). Вместе с тем Л. Н. Гумилев творчески «обновил» евразийство, добавив свои теории «пассионарности» и «этногенеза». Поэтому правильнее в отношении творчества ученого говорить о «неоевразийстве», тем более что в творчестве Л. Н. Гумилева и, особенно, его восточных последователей появляются элементы русофобии, которую так пламенно обличали создатели евразийства у западников.

Авторы рецензируемой работы – доктор исторических наук, профессор Юрий Алексеевич Сорокин и кандидат исторических наук, доцент Наталья Геннадьевна Суворова – известные омские историки, много лет преподающие в Омском государственном университете им. Ф. М. Достоевского. Обширный преподавательский опыт отражен в структуре и тексте

учебного пособия. Книга разделена на введение, четыре главы, заключение, библиографический список и контрольные вопросы для студентов.

В первой главе «Феномен евразийства» дается анализ этому идеолого-философскому течению, рассматриваются веки развития данного направления и современное восприятие и изучение евразийства в различных гуманитарных науках. Ю. А. Сорокин и Н. Г. Суворова сравнивают евразийство с концепциями славянофилов, Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, В. П. Семенова-Тян-Шанского и др. Оригинальными можно признать и поиски параллелей евразийцев с сибирским областничеством.

Вторая глава «Творчество Л. Н. Гумилева» разделена на три раздела. В первом дается обзор трагической биографии Льва Николаевича: расстрел отца, «шекспировские» отношения с матерью А. А. Ахматовой, взаимная ненависть с семьей Пуниных (утверждают, что они послужили прообразом «людей химеры» Л. Н. Гумилева), два ареста, и в силу этого оторванность от науки на 20 лет, война, гонения и тяжелые условия жизни в 1950–1980-х гг., две защиты одной докторской, – все это наложило отпечаток на творчество мыслителя. В этой главе авторы учебного пособия поместили раздел о пассионарной теории этногенеза. При всей спорности этой теории, благодаря Л. Н. Гумилеву, придуманное им понятие пассионарности стало общеизвестным и употребляется в качестве синонима социальной и биологической активности. Термин «этнос» начали использовать не в старом этнографическом значении, а именно в новом – гумилевском. Понятия «субпассионарность» и «химера» используются в истории, политологии, культурологии и публицистике. В третьем разделе данной главы «Евразийство и Л. Н. Гумилев» рассматривается влияние евразийцев на мыслителя, их совместная антиевропоцентристская позиция, отрицание монголо-татарского ига и т. д. При этом Ю. А. Сорокин и Н. Г. Суворова ставят под сомнение почетный титул Л. Н. Гумилева – «последний евразиец», считая его очередным интеллектуальным кокетничаньем ученого мыслителя. Можно только согласиться с предпоследним предложением этой главы: «Оттолкнувшись от евразийства, Гумилев действительно выдвинул положения, под которыми, должно быть, не подписались бы ни Трубецкой, ни Савицкий» (с. 106).

Третья глава «Изучение Л. Н. Гумилевым истории степных цивилизаций Евразии. Степная трилогия» посвящена ориенталистским работам ученого, которые считаются наиболее научными в его творчестве. Это книги и статьи, в которых исследуются степные народы (хунну,

гунны, тюрки, монголы и др.), в них Л. Н. Гумилев удачно боролся с европейским расизмом, отказывавшим этим народам и их потомкам в статусе цивилизованности. Глава кончается разделом «Тюркские начала в русской истории. Золотая Орда и Русская земля», повествующим о самых спорных темах в многообразном творчестве ученого.

Последняя глава «Критика взглядов Л. Н. Гумилева в отечественной исторической науке», наверное, самая интересная в книге. Противоречивое, популяризаторское, своеобразное, эпатажное творчество Л. Н. Гумилева всегда вызывало самые разные противоречивые оценки – от апологетического восхищения до полного отрицания псевдонаучного хулиганства. С началом «перестройки» полемика о творчестве Л. Н. Гумилева приобрела массовый и, к сожалению, чаще всего ненаучный характер. «Освобождение» от марксистско-ленинской идеологии позволило напрямую без «политико-критического» подхода обратиться к манящим сюжетам творчества известного мыслителя. Ведь здесь сходились пути отечественной истории с историей зарубежной, включая диапазон исторических разделов всех смежных дисциплин – от географии до философии. Именно это чаемое «царство альтернатив» позволяло разгуляться интеллигентской фантазии, ранее ограниченной весьма жесткими рамками коммунистической идеологии. «Гумилевоведение», «левогумилевоведение», «пассионариология», не побоюсь употребить эти полуанекдотичные термины, как и любая научная конъюнктура, породили множество непосредственных и опосредованных коммуникаций и привлекли к себе массу людей случайных, от «пенкоснимателей» до «праздношатающихся» в научной сфере.

Авторы учебного пособия рассматривают точки зрения известных ученых В. В. Мавродиной, Л. С. Клейна, Б. А. Рыбакова, Ю. В. Бромлея, Я. С. Лурье, В. И. Козлова, Н. Я. Эйдельмана, А. Г. Кузьмина и др. В начале приводится общая точка зрения основных претензий оппонентов с цитатами и примерами, затем подытоживаются выводы, и по пунктам даются ответы на критику. Лучше всего, на взгляд рецензента, написал о теории Л. Н. Гумилева филолог и историк культуры Я. С. Лурье, который, по словам Ю. А. Сорокина и Н. Г. Суворовой, «полагал, что схема Гумилева основана не на научных гипотезах, опирающихся на факты, а на догадках, под которые факты потом подгоняются» (с. 173).

В историографии сложилась точка зрения о пренебрежительном отношении Л. Н. Гумилева к историческим источникам. Действительно, ошибки Л. Н. Гумилева порой носили настоль-

ко курьезный характер, что многие читатели его произведений гадали: они появляются по небрежности, или это специальный розыгрыш профессиональных историков. Как выявляются фактические данные, которые неизвестно откуда берутся через несколько веков, никто не мог понять. Ладно, если это про средневековый Китай или про Центральную Азию с Левантом, там подробности известны только узким специалистам, но когда читаешь про русскую историю феноменальные ляпы, тут уж поневоле задумаешься. А все эти «девицы, отблагодаривающие пассионариев самым доступным им способом» или знаменитое «так оно и было» в качестве высшего аргумента и т. д. – производили и производят трагикомическое впечатление. Недаром, даже А. Г. Кузьмин – совсем не идеал академической науки – предлагал ради Л. Н. Гумилева открыть разделы юмора в исторических журналах.

К сожалению, в книге среди критиков Л. Н. Гумилева нет представителя эмигрантской харбинской научной школы, историка, востоковед-синолога Анатолия Гавриловича Малявкина (1917–1994). Так же как и Л. Н. Гумилев, он был заключенным ГУЛАГа, пережил многолетний запрет на научную деятельность в своей специальности. Его известная монография «Уйгурские государства в IX–XII вв.» (Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1984. 297 с.) порой умиляет читателя рассуждениями: есть такая точка зрения, можно поспорить с такой гипотезой. И всегда отдельный абзац: а еще Л. Н. Гумилев считает... с добавлением в конце – «откуда он это взял, никому не известно».

В то же время в указанном разделе зачетно на протяжении пяти страниц (с. 184–194) излагается критика американского публициста А. Л. Янова, перед которым Л. Н. Гумилев – пример академичности, точности, научной объективности, академической традиционности и т. д.

Так же вызывает недоумение рецензента и один достопримечательный абзац в учебном пособии: «Признавая несомненную эрудицию своего оппонента, Н. Я. Эйдельман утверждал, что взгляды Л. Н. Гумилева, по его мнению, увлеченного своей теорией и впадающего в крайность, не только противоречат фактам, но и опровергаются фактами (с. 185). Оставим в стороне кажущуюся нам смешной убежденность Н. Я. Эйдельмана в том, что теория может опровергаться фактами (мы вполне разделяем мнение Гегеля на этот счет и уверены, что теория может быть опровергнута только теорией, и если факт противоречит теории, тем хуже для факта; не может

быть теории, которая объясняет всю совокупность фактов; необъяснимые факты есть всегда и называется артефактами) и посмотрим, какими же фактами Н. Я. Эйдельмана пытается обозначить «слабости теоретических конструкций Л. Н. Гумилева» (с. 185). Не принадлежит к поклонникам Н. Я. Эйдельмана, надо заметить, что все его аргументы абсолютно справедливы. Монголо-татарское иго отбросило Русь на века назад, большинство городов было **не раз** разрушено, государственность ослабла, объединительные процессы затормозились, и, главное, уровень и многообразие русской культуры резко упали. Все эти постулаты подтверждаются огромным комплексом фактической информации от археологии до экономики. Рассматривать гумилевские анекдоты про военный союз Орды и Руси и «неграмотных монахов-летописцев» просто несерьезно. Возникает естественное желание поспорить и том, может ли теория опровергаться фактами? Может, ибо если теория не соответствует фактам – это неверная теория. Все факты правильная теория объяснить не может, но подавляющее большинство – может. А если теория заведомо построена на неверных фактах, то это фальсификация. А считать, что «факт противоречит теории, тем хуже для факта», – это как раз и есть признак методологической ненаучности.

Стоит отметить удачную структуру «Библиографического списка» учебного пособия. В «Основной литературе по евразийству» представлены работы самих евразийцев, монографии и статьи Л. Н. Гумилева. Далее следуют мемуары, воспоминания и переписки (включая труды самого Л. Н. Гумилева и воспоминания о нем), диссертационные работы о евразийстве и о Л. Н. Гумилеве, библиографические указатели и, наконец, «Статьи и монографии по теме исследования», «Интернет-ресурсы». Такая структура позволит студентам дополнительно ознакомиться с творчеством Л. Н. Гумилева, евразийством и их исследователями, последователями и оппонентами.

Можно только порадоваться, что в городе Омске, где Л. Н. Гумилев отбывал второе заключение (краеведы даже утверждают, что три первых дома на ул. Малунцева от ул. Нефтезаводской построены мастерком историка) вышла книга о его жизни и творчестве. К сожалению, тираж книги – лишь 100 экземпляров, и с момента публикации она стала библиографической редкостью. Пожелаем авторам нового многотиражного, дополненного издания учебного пособия.